

На правах рукописи

БЕРСЕНЕВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА

ВОЗРАСТНАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В ОБЩЕСТВАХ ЮЖНОГО УРАЛА II ТЫС. ДО Н.Э. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ)

07.00.06 – археология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Екатеринбург-2019

Работа выполнена в отделе археологии и этнографии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (ИИиА УрО РАН).

Официальные оппоненты:

Шишлина Наталия Ивановна, доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный исторический музей», заведующая Отделом археологических памятников.

Мочалов Олег Дмитриевич, доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный социально-педагогический университет» (ФГБОУ ВО СГСПУ), ректор.

Табарев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждения науки Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН), заведующий Сектором зарубежной археологии.

Ведущая организация: Институт проблем освоения Севера – структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук (ИПОС ТюмНЦ СО РАН)

Защита диссертации состоится 24 декабря 2019 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 003.006.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН) по адресу: 630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17, конф.-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИАЭТ СО РАН и официальном сайте Института www.archaeology.nsc.ru

Автореферат разослан сентября 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук

С.В. Маркин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Бронзовый век является колыбелью многих жизненно важных технологий и новаций, которые заложили основу дальнейшего развития человеческой цивилизации. Для населения эпохи бронзы Южного Урала, главными достижениями, безусловно, стали зарождение и становление производящего хозяйства и металлургии, что со временем привело к развитию социального неравенства и его институтов. С социальной точки зрения, бронзовый век был периодом бурного развития, чему способствовали не только технологические новации, но и местоположение региона, тысячелетиями являвшегося естественной контактной зоной. Движение населения в эпоху бронзы было активным, что подтверждается культурной многокомпонентностью памятников. Вместе с людьми перемещались, смешивались и создавались заново не только технологии и артефакты, но и социальные отношения и стереотипы. Социальные процессы оказывали влияние на все стороны жизни человеческого коллектива, включая формирование материальной культуры.

Период эпохи бронзы региона хорошо изучен. Исследованы сотни памятников, постоянно повышается качество раскопок и применяемых методов, датировки и анализа данных. С археологической точки зрения, источники, накопленные за десятилетия раскопок на Южном Урале, весьма значительны. К настоящему времени, создана радиоуглеродная хронология региона. Успешно исследуются многочисленные аспекты жизни населения, такие как погребальный обряд, домостроительство и организация поселений, металлургия, военное дело и колесничные технологии, животноводство, домашние производства, включая керамическое, вопросы экономики и природопользования.

Между тем, социальное устройство обществ бронзового века остается пробелом, который необходимо заполнить. Открытие синташтинских памятников, в свое время дало толчок бурному обсуждению вертикальной структуры данного социума, дискуссиям о формировании ранних комплексных обществ и возникновении элиты, особенно, военной [Зданович Д., 1997; Anthony, 2009 и т.д.]. Алакульские и, отчасти, срубно-алакульские памятники, напротив, привлекли внимание ученых с точки зрения реконструкции «семейно-брачных» отношений благодаря, в основном, феномену захоронений в «позе объятий» [Рафикова, 2009б]. С другой стороны, памятники петровской и срубной культур Урала, равно как и материалы финальной бронзы, по ряду объективных и субъектив-

ных причин, так и не оказались в фокусе внимания социального направления в археологии. Таким образом, становится очевидным, что ранее изучались, в первую очередь, яркие и своеобразные памятники и/или погребения, тогда как массовый материал оказывался за пределами научного анализа.

Актуальность работы, таким образом, обеспечивается накоплением качественных археологических источников (в данном случае – материалов могильников), с одной стороны, и необходимостью системного исследования гендерной и возрастной дифференциации в древних обществах, с другой.

Объектом исследования являются общества бронзового века Южного Урала (II тыс. до н.э.), чьи материальные остатки дошли до нас в виде археологических памятников.

Предметом исследования выступают гендерные и возрастные социальные группы этих обществ в исторической динамике.

Цели и задачи. Целью исследования является выявление и социальная интерпретация гендерных и возрастных групп (гендерно-возрастная дифференциация), а также семейно-родственных и профессиональных групп, которые являлись частью социальной структуры обществ бронзового века Южного Урала с XXI по X–IX вв. до н.э.

Достижение цели исследования обусловило выбор задач.

Задачи:

1. Выработка теоретических подходов к гендерно-возрастному анализу археологических источников.
2. Оценка информативности памятников различных культур с социальной точки зрения.
3. Создание баз данных, ориентированных на систематизацию и хранение информации, связанной с гендерно-возрастными характеристиками погребенных.
4. Разработка методики анализа баз данных.
5. Проведение анализа погребальных памятников в гендерно-возрастном аспекте.
6. Обобщение и интерпретация всех имеющихся данных.

Территориальные рамки работы охватывают степную и юг лесостепной зоны Южного Урала (Предуралье и Зауралье). В современном административно-территориальном делении, это Оренбургская область и Башкортостан, южная часть Челябинской области, юго-западная часть Курганской, а также территориально близкие области западного Казах-

стана – Кустанайская, Актюбинская и Западно-Казахстанская. Выбор преимущественно степной полосы как региона исследования обусловлен наличием источников и культурной ситуацией выбранного периода.

Хронология Радиоуглеродная хронология и основанная на ней периодизация достаточно хорошо разработана для культур бронзового века степей Южного Урала [Каргалы ..., 2004; 2005; Черных, 2008; 2012; Панюшкина, 2013; Молодин, Епимахов, Марченко, 2014; Епимахов, 2016а]. Исследование охватывает период с конца XXI по IX вв. до н.э., то есть все II тыс. до н.э.

Источники Источниками работы послужили преимущественно погребальные памятники эпохи бронзы степной и, в меньшем объеме, лесостепной полосы Южного Урала конца III – II тыс. до н.э. Исследование полностью основано на опубликованных данных, поскольку качество источника и наличие антропологических определений является принципиальным в свете поставленных автором целей и задач.

В работе использованы материалы могильников синташтинской, петровской, срубной, алакульской культур, срубно-алакульских памятников и погребений финальной бронзы – всего 65 могильников, в которых было исследовано 1319 могильных ям, где было захоронено минимум 1574 индивида. Корпус источников дополнен данными синхронных поселений.

Методологические подходы

Работа выполнена в рамках интерпретационного подхода, предложенного основателями пост-процессуальной школы мысли в археологии [Hodder, 1986; 1991; 2007; 2016; Shanks and Tilley, 1987; Tilley, 1991, 1999; Shanks and Hodder, 1995a; Parker Pearson, 1997, 1999]. Данный подход предполагает изучение индивидов в контексте ассоциированных с ними предметов материальной культуры. В целом он ориентирован на изучение взаимодействия индивидов в обществе, отраженное в материальных источниках. Археологический источник создается людьми в контексте определенной социальной структуры и социальных отношений. Таким образом, в каждом предмете материальной культуры заложена информация об индивиде, который его создал и о социальной структуре, в рамках которой данный индивид существовал. Это позволяет археологам, изучая людей и предметы в их ассоциации, делать выводы социального характера.

В общем русле интерпретационного подхода активно развиваются направления, изучающие социальные группы в древних обществах – в

первую очередь, гендерная археология и археология возраста. Цель этих направлений – реконструировать *социальный* пол и *социальный* возраст погребенных, то есть, вписать биологические характеристики в социальный контекст.

Учитывая фрагментарность и естественную неполноту имеющегося в нашем распоряжении археологического источника, интерпретационный подход с его акцентом на контекст и индивидов представляется наиболее приемлемым теоретическим подходом к анализу материала.

Методы. Основным методом исследования – контекстуальный – предполагает анализ археологических данных в контексте их обнаружения. Кроме того, применялись методы корреляции для поиска и выявления возможных закономерностей. Привлекались достижения естественных наук: антропологии, археозоологии, трасологии, радиоуглеродного датирования. В ограниченном объеме использованы генетические и изотопные данные, так как многие исследования на эту тему еще ожидают своей публикации.

Вырабатывая методику социального анализа погребальных памятников, автор пыталась совместить контекстуальный подход и наиболее простые статистические методы. Эта методика была успешно опробована ранее [Берсенева, 2005; 2010; 2011; 2013; Берсенева, Гильмитдинова, 2013; Berseneva, Kupriyanova, 2016; Berseneva, 2017].

Научная новизна. Впервые большой массив источников, охватывающий более чем тысячелетний период истории Южного Урала, изучен данной работе в рамках единого подхода и согласно единой методике. Были реконструированы социальные роли мужчин и женщин с синташтинского времени по финал бронзового века. Для синташтинской, алакульской и срубной культур рассмотрены вопросы гендерного и возрастного разделения труда, а также гендерные и возрастные аспекты некоторых видов экономической деятельности – в частности, металлургического и керамического производства.

Для всех культур, за исключением финального периода, на основании анализа погребений были выделены возрастные группы, дана их интерпретация в социальных терминах. Синташтинские и алакульские материалы дали возможность проследить этапы трудовой и гендерной социализации детей и способы их вовлечения в экономическую и ритуальную деятельность коллектива. Изучение культур в едином ключе позволило выявить динамику развития гендерных стереотипов и степень их отражения в погребальном обряде в течение всего II тыс. до н.э.

В работе впервые были рассмотрены гендерно-возрастные аспекты погребений согласно обряду кремации. Захоронения на поселениях также были изучены под этим углом зрения. Проведена ревизия мнений, связанных с парными разнополовыми захоронениями, предложена новая интерпретация данного феномена. Изучены гендерно-возрастные аспекты формирования коллективных захоронений, предложены возможные объяснения подобного погребального поведения.

В итоге исследования получена довольно цельная и динамичная картина жизни возрастных и гендерных социальных групп в бронзовом веке, их повседневной и ритуальной деятельности.

Положения, выносимые на защиту

- Гендерные и возрастные социальные группы нашли свое отражение в погребальных памятниках эпохи бронзы Южного Урала, и их реконструкция доступна методами археологии. Гендер и возраст умерших были важнейшими детерминантами, влиявшими на погребальное обращение в обществах изучаемого периода, в том числе и согласно альтернативным ритуалам (захоронения на поселениях, по обряду кремации).
- Степень отражения гендерных и возрастных групп в погребальных памятниках варьировала между различными обществами и в течение всего изучаемого периода. Наиболее полно возрастные и гендерные группы представлены в памятниках синташтинской и алакульской культур.
- Динамика отражения возрастной и гендерной дифференциации обществ бронзового века прослеживается отчетливо: от максимального отражения характеристик «социальной личности» покойного в синташтинский период до почти полного отказа от манифестации гендера и возраста в погребениях в эпоху финальной бронзы.
- Этапы возрастной, гендерной, трудовой социализации детей доступны для изучения по погребальным и, отчасти, поселенческим источникам, и могут быть реконструированы для синташтинской и алакульской культур.
- Социально-профессиональная принадлежность умерших отражена только в памятниках синташтинской культуры, но связана с отдельными индивидами. Профессиональные социальные группы не представлены в погребальном источнике.
- Формы семьи и брака не нашли своего прямого воплощения в источниках изучаемых культур.

Практическая ценность. Результаты работы могут быть использованы при подготовке и чтении учебных курсов, востребованы при написании обобщающих работ, учебных пособий для школьников, студентов и аспирантов, а также подготовке научно-популярных изданий, лекций и музейных экспозиций.

Апробация. Результаты исследования обсуждались в ходе международных, всероссийских и региональных совещаний, семинаров, конференций и конгрессов в городах Екатеринбург, Москва, Омск, Тюмень, Ханты-Мансийск, Санкт-Петербург, Уфа, Челябинск, Рива дель Гарда (Италия), Осло (Норвегия), Пльзень (Чехия), Мертвое море (Иордания), Стамбул (Турция), Алматы, Кокшетау, Астана (Казахстан), Маастрихт (Нидерланды), Франкфурт-на-Майне, Киль (Германия). Основные положения работ автора по социальной археологии эпохи бронзы и раннего железа опубликованы в 99 научных работах на русском, английском и немецком языках, включающих 22 статьи в отечественных и зарубежных рейтинговых изданиях (в журналах, включенных в перечень ВАК, а также индексируемых базами Web of Science и Scopus), одну индивидуальную монографию и девять глав в коллективных монографиях на русском и английском языках.

Структура работы определена поставленными задачами и включает введение, четыре главы, заключение, список литературы, список сокращений. Иллюстративный и справочный материал объединен в пять приложений.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснованы актуальность и научная значимость темы, сформулированы цели и задачи работы, хронологические и территориальные рамки, охарактеризованы источники и основные методологические принципы исследования.

Глава 1 «Теоретические подходы к гендерному и возрастному анализу археологического источника. История изучения возрастных и гендерных структур населения Южного Урала в эпоху бронзы». В параграфах 1–3 изложены современные теоретические подходы к социальному анализу археологических источников. **Параграф 4** посвящен истории изучения возрастных и гендерных структур населения Южного Урала в эпоху бронзы. Охарактеризовано современное состояние проблемы, сформулированы требующие решения вопросы.

Глава 2. «Возрастная и гендерная дифференциация в погребальной практике синташтинской и петровской культур». **Параграф 1** посвящен синташтинской культуре, дана общая характеристика культуры и особенностей погребального обряда (*параграфы 2.1.1 и 2.1.2*). Источниковая база составила 240 могильных ям, в которых было захоронено 412 индивидов. Большинство погребенных составляют дети (индивиды до 15 лет) – более 50%. Женщины и мужчины на большинстве памятников представлены в приблизительно равных пропорциях.

2.1.3. Гендерные категории (мужчины/женщины). Маркеры гендерной принадлежности. Мужские погребения. Большинство (75%) антропологически определенных мужчин захоронено в крупных коллективных могильных ямах (42 индивида из 56). Предметы, надежно зафиксированные только в мужских погребениях, представляют собой достаточно редкие категории инвентаря – составляющие колесничного комплекса, топоры, наконечники копий, булавы, а также артефакты, связанные с металлообработкой. 37,5% мужчин сопровождали наконечники стрел. Из числа орудий труда мужским гендерным маркером можно считать тесла.

В целом, 57,1% мужских погребений содержали орудия труда, 37,5% – предметы вооружения и 23,2% – артефакты, связанные с обработкой или выплавкой металла.

Женские погребения. Ситуация с женскими захоронениями почти аналогична описанной выше – 64,7% женщин было погребено в парных и коллективных усыпальницах (33 из 51). Более чем 71% погребенных женщин всех возрастов сопровождали орудия труда. Первое место по встречаемости принадлежит ножам и шильям (по 42,8%), далее следуют иглы (20%). Остальные орудия – каменные песты, бронзовый серп, рыболовный крючок, абразивы или каменные плиты иного назначения – единичны. Артефакты, связанные с металлургией представлены лишь в нескольких погребениях. Как правило, это кусочки руды. В женских захоронениях полностью отсутствуют предметы вооружения, за исключением единичных наконечников стрел и роговых псалиев. Второй главной составляющей сопроводительного инвентаря женщин являются металлические украшения и украшения из бусин (57,1%). Они также сопровождали женщин всех возрастов. 22,8% погребений содержали астрагалы.

Можно заключить, что обязательное *снабжение инвентарем* взрослых зафиксировано во всех могильниках. Мужские захоронения, в отличие от женских, допускают большее разнообразие в выборе инвентаря.

2.1.4. *Жертвоприношения животных (гендерно-возрастной аспект)*. Анализ взаимосвязи пола и возраста погребенных и состава сопровождающих их жертвенных животных показывает, что во всех могильниках мужчины и женщины снабжались всеми видами копытных, но лошадь чаще сопутствовала мужчинам [Зданович Д., 2005]. Количество и «биомасса» животных, приносимых в жертву, также зависели от возраста и гендерной принадлежности. Так, объем жертвоприношений в женских могилах в среднем вдвое меньше, чем в мужских несмотря на то, что видовой состав во многом сходен. Собаки сопровождали как взрослых, так и детей. В погребениях, где захоронены только дети, среди жертвенных животных абсолютно преобладает МРС, на втором месте КРС, а кости лошади крайне редки. По «биомассе» жертвоприношений детские захоронения уступают взрослым.

2.1.5. *Гендерные и возрастные аспекты металлургического производства*. Металлургия была очень важной и нередко сакрализованной сферой деятельности в древних и средневековых обществах. Представляется важным вопрос: какие категории населения имели отношение к металлургии, люди какого возраста/гендера/статуса были так или иначе вовлечены в эту сферу? Синташтинские погребальные памятники предоставляют возможности для обсуждения этих проблем. До 86,7% взрослых индивидов сопровождалось металлическими артефактами, что весьма необычно для культур бронзового века Северной Евразии. В синташтинских погребениях были обнаружены несколько категорий предметов, связанных с металлургией: керамические сопла, литейная форма, кусочки руды, слитки или сплески металла, шлаки, каменные изделия.

Инвентарь, напрямую связанный с выплавкой металла (керамические сопла и литейная форма) был обнаружен лишь в пяти погребениях – погребения 7 и 20 могильника Бестамак, погребение 1 из кургана 5 могильника Солнце II, центральное захоронение в кургане Синташта III и погребение в могильнике у горы Березовой. Во всех могильных ямах предметы, имеющие отношение к металлургии, были положены наряду с предметами вооружения и орудиями труда – наконечниками стрел, булавой, роговыми псалями, бронзовыми ножами и шилом.

В гендерно-возрастном аспекте, атрибуты металлопроизводства представлены лишь в погребениях взрослых. В детских захоронениях обнаружены только каменные артефакты, назначение которых, скорее всего, было полифункциональным. Погребенный с литейной формой был мужчиной, песты также лучше представлены в мужских погребениях. Однако,

руда найдена и в мужских, и в женских погребениях, но она не всегда была пригодна для целей производства металла.

Все вышесказанное позволяет допустить отсутствие *социальной группы* металлургов в синташтинском обществе, что, в общем, было характерно для обществ подобного уровня сложности. Находка артефактов, имеющих прямое отношение к металлургии, в составе жертвенных комплексов (Бестамак, яма 20), может подтвердить тезис о высокой сакрализованности этой сферы деятельности.

2.1.6. Социальные роли женщин. В женские погребения были в первую очередь положены самые необходимые орудия – нож, шило, игла. Менее часто встречающиеся орудия труда – лощила, абразивы, песты, каменные плитки, рыболовные крючки и т.д. – видимо, могут свидетельствовать об индивидуальности подбора инвентаря, а также о многообразии занятий женщин. Предметы, имеющие отношение к металлургии (в основном, руда, слитки и шлаки) и помещенные в женские захоронения, могут отражать вовлеченность части женщин в сферу металлургии, как минимум, в некоторые стадии процесса.

Жертвоприношения, в которых преобладает мелкий и крупный рогатый скот, в женских погребениях достаточно обильны. Лошадь, напротив, представлена слабо. Можно осторожно предположить, что лошади в целом были предметом мужской заботы. Остальные виды и, особенно, их детеныши, были более связаны с женской сферой.

Таким образом, можно заключить, что в погребении, прежде всего, отражена социальная роль женщины как будущей или настоящей хозяйки дома, без демонстрации более узких и специализированных занятий и умений. Захоронение женщин в полном костюме и с украшениями отражают роль будущей или настоящей жены и матери и ее идентичность как члена синташтинского сообщества.

2.1.7. Социальные роли мужчин выглядят значительно более разнообразными. Военная составляющая хорошо представлена в синташтинских могильниках, особенно на фоне предшествующих и последующих культурных образований. Оружием были сопровождаемы как минимум 22 индивида мужского пола (из 56) возрастом от 15 до 60 лет, то есть всех возрастных групп. В этих могильных ямах представлены все категории предметов вооружения, в том числе в сочетаниях с остатками колесниц и деталями конской упряжи. Следует отметить, что бесспорно связанные с военной деятельностью категории инвентаря (такие как бронзовые топоры и наконечники копий) надежно зафиксированы *только* в мужских (и,

по последним данным, детских) погребениях.

Тем не менее, доля предметов вооружения среди погребального инвентаря не свидетельствует о массовой вовлеченности мужского населения в военные конфликты. Несмотря на то, что в синташтинский период мы фиксируем развитие форм вооружения, колесниц и фортификаций, реальные следы насилия отсутствуют и на поселениях, и в погребениях. Кроме того, удельный вес предметов, бесспорно являвшихся оружием, таких как топоры и наконечники копий, минимален как среди всего предполагаемого комплекса вооружения, так и в сравнении с другими категориями металлических изделий, среди которых оружие составило 2% [Дегтярева, 2010]. Вероятно, количество мужчин, обучавшихся военному делу и колесничеству, было сравнительно невелико, и данная деятельность не являлась их основным занятием.

Вторая важнейшая социальная роль мужчин была, несомненно, связана с металлургическим процессом. Погребения «литейщиков» единичны, но предметы металлопроизводства все же лучше представлены в мужских погребениях.

Важной особенностью синташтинских погребений является абсолютная взаимовстречаемость в непотревоженных погребениях всех категорий инвентаря: предметов вооружения, орудий труда, украшений и предметов быта. Это говорит либо об отсутствии узкой специализации, либо об отсутствии строгих правил выбора сопроводительного инвентаря. Судя по всему, состав инвентаря конкретных могил формировался из разных категорий (орудия, оружие, атрибуты металлопроизводства и др.) и источников: как из личных вещей покойного, так и произвольных приношений со стороны участников похорон. Вместе с тем, разнообразие погребального инвентаря, скорее всего, отражает не только отсутствие жестких принципов его отбора, но и определенное многообразие занятий всех членов коллектива, особенно его мужской части. Вероятно, большую часть своего времени мужчины посвящали жизненно необходимой деятельности, связанной с поддержанием экономической деятельности общества: пастушеству, рыболовству, охоте, строительству и т.д.

2.1.8. Детские погребения. Гендерная социализация. Исследование показало, что гендерная социализация детей в синташтинском обществе начиналась приблизительно с трехлетнего возраста. В погребениях детей до 2–3 лет не содержится никаких указаний на их гендерную принадлежность. Среди детей старше трех лет имеется серия погребений, инвентарь которых прямо подтверждает, что взрослые, хоронившие этих детей, от-

носились к ним как к будущим мужчинам или женщинам. Дифференциальная, то есть, различная для мальчиков и девочек социализация начиналась в возрасте приблизительно трех лет. Именно в этом возрасте дети обычно начинают с уверенностью относить себя к определенному гендеру (это называется *гендерной идентификацией*).

Трудовая социализация. Орудий труда в синташтинских детских погребениях сравнительно немного. Это в абсолютном большинстве металлические орудия: ножи, шилья и тесла, которые содержатся в 18 погребениях детей от 3 до 14 лет, что составляет 20,5% от 88 покойных, с которыми был обнаружен инвентарь. Внутри этой большой группы, закономерностей, связывающих возраст и наличие орудий труда, не прослеживается. В захоронениях подростков от 15 до 17 лет орудия находились намного чаще и были обнаружены у 75% умерших. Орудия абсолютно те же, что и у детей младшего возраста, правда, в несколько большем количестве присутствуют изделия из камня – оселок, каменный пест и абразив.

Таким образом, археологически, мы можем видеть три стадии социализации детей в синташтинском обществе:

1. Младенцы и дети до трех лет. Все погребения являются гендерно-нейтральными. Орудия труда и оружие полностью отсутствуют.

2. Дети от трех до 14–15 лет. Орудия труда и предметы вооружения представлены в небольшом количестве погребений. В этом возрасте дети начинали приобщаться к керамическому производству и, вероятно, вовлекаться в другие виды деятельности (охота, уход за скотом, обязанности по дому).

3. «Подростки» или юные «взрослые» (15–17 лет). Орудия труда представлены в большинстве захоронений. Фактически, это категорию уже можно отнести к социально «взрослым» индивидам.

Параграф 2 рассматривает вопросы гендерно-возрастной дифференциации в памятниках *петровской культуры*. Дается общая характеристика культуры и погребальных памятников (*параграфы 2.2.1 и 2.2.2*). Всего анализу подверглось 59 могильных ям, которые содержали 91 погребенного. Большинство захороненных – дети (от 31,2 до 77,3% для разных могильников). Взрослых погребенных на все памятники всего 33, из них антропологически определены девять мужчин и восемь женщин. Все они были обнаружены в крупных центральных усыпальницах.

2.2.3. Гендерный категории (мужчины/женщины). *Маркеры гендерной принадлежности.* Мужские погребения содержали индивидов различного возраста (от 18 до 50–55 лет). Во всех захоронениях хорошо

представлен колесничный комплекс и предметы вооружения. В погребении из могильника Кривое Озеро (курган 2, яма 1, мужчина старшего возраста – 50–55 лет) найдены бронзовый наконечник копья и роговой псалий, на дне ямы расчищены «колесные ямки». В остальных могилах обнаружены каменные наконечники стрел, псалии, каменная булава. Из орудий труда найдены каменные изделия (пест и абразив), шилья, бронзовый нож. *Женские погребения* представлены пятью молодыми индивидами (15–18) лет и одним пожилым (45–55 лет), остальные не имеют точных определений возраста. Петровским женским гендерным маркером могут быть названы наборы украшений – декор обуви, наконечники, детали головного убора. Для погребений обоих полов наблюдается тенденция к сокращению количества орудий труда в составе погребального инвентаря.

2.2.4. Жертвоприношения животных (гендерно-возрастной аспект). Традиция жертвоприношений домашних животных продолжается и в петровское время. Петровские памятники характеризуются захоронением пар лошадей рядом с центральной могилой. Части туш (обычно голова и конечности) помещались на перекрытие могильной ямы или в отдельные жертвенные ямы. В целом представляется, что объем жертвоприношений сокращается по сравнению с синташтинским периодом. Самые крупные жертвенные комплексы соотносятся с центральными ямами, в состав которых входили индивиды обоих полов. Резко снижается количество животных, приносимых в жертву при погребении детей.

2.2.5. Социальные роли мужчин и женщин. В петровское время произошли изменения в принципах отбора сопроводительного инвентаря в сторону преимущественного отражения гендерной идентичности. Если в синташтинское время, наряду с военно-колесничными атрибутами, в некоторых погребениях была отражена профессиональная специализация (например, захоронения «металлургов») или хозяйственная деятельность, а такие предметы быта как шилья и ножи зафиксированы в большинстве могильных ям, то в петровский период это становится необязательным. Женщины сопровождаются украшениями, мужчины – предметами вооружения и колесничного комплекса. Указанные маркеры могли служить одновременно и показателем вертикального и/или горизонтального статуса этих немногочисленных умерших.

2.2.6. Детские погребения. Изучено 44 могильные ямы (48 умерших). Преобладают индивидуальные погребения в небольших и неглубоких ямах (62,9%). Всех без исключения детей сопровождала посуда. При этом, у 21 ребенка из 48 (41,3%) это был единственный сопроводитель-

ный инвентарь. Кроме посуды, предметный комплекс представлен в абсолютном большинстве лишь украшениями. Исключение составляет бронзовый нож (яма 44, могильник Степное VII).

Материалы петровских погребений предполагают, что девочкам с возраста 8–9 лет уже полагался гендерно-различительный костюм и аксессуары, чуть более простой комплектации, но в целом схожие с женскими. Мальчики, насколько можно судить, были практически лишены персонального погребального инвентаря. В выборке индивидов до 15 лет, мы не находим погребений, предметы из которых указывали бы на мужской гендер умершего.

В заключение **Главы 2**, в *параграфе 2.7* проведен сравнительный анализ петровских погребений Южного Зауралья и сопредельных территорий, выявлены черты сходства и различия в половозрастном составе умерших, особенностях снабжения их инвентарем и жертвенными животными.

В **Главе 3** исследуется *«Возрастная и гендерная дифференциация в погребальной практике алакульской и срубной культур. Памятники эпохи финальной бронзы»*.

Параграф 1 посвящен алакульской культуре. В *параграфах 3.1.1. и 3.1.2* дана общая характеристика культуры и погребальных памятников. Источниковая база включает 455 могильных ям, где было захоронено 479 покойных. Взрослых индивидов идентифицировано 111. Представлены все возрастные группы мужчин и женщин (от 15 лет и до 55+) с преобладанием индивидов возмужалого и зрелого возраста (20–50 лет).

3.1.3. Гендерные категории (мужчины/женщины). Маркеры гендерной принадлежности. Количество взрослых индивидов, идентифицированных как мужчины – 36, возрастом от 15 до 55 лет.

Обилие погребального инвентаря не свойственно мужским алакульским захоронениям. Фактически, девять умерших из 36 (25%) были погребены лишь в сопровождении посуды, и один индивид – совершенно без артефактов (могильник Тасты-Бутак 1, оградка 45, яма 1). Из инвентаря можно назвать два бронзовых ножа, несколько каменных наконечников стрел, два псаля и бронзовое навершие булавы. Другие предметы единичны – немногочисленные бронзовые бусины или обоймы, так называемые «пряжки», сделанные из раковин, скрепки. Таким образом, не представилось возможным выявить вещевые гендерные маркеры для мужчин.

Женщин, идентифицированных антропологически несколько больше, чем мужчин – 47 индивидов. Инвентарь женских погребений более многочислен с точки зрения наличия деталей костюма и украшений. Всего одно непотревоженное женское захоронение не содержит никакого инвентаря, даже украшений и посуды (Тасты-Бутак 1, оградка 44, верхнее захоронение). Предметы, которые не связаны с «внешним видом» покойных, крайне редки.

3.1.4. Жертвоприношения животных (гендерно-возрастной аспект). Количество приносимых в жертву животных в ходе погребальных/поминальных ритуалов существенно снижается в алакульское время по сравнению с синташтинско-петровским. 218 (67,1%) погребений не содержали костей животных. Среди жертвенных животных абсолютно преобладает МРС. Жертвенники часто располагаются за пределами могильных ям, на погребальной площадке. Обычно они приурочены к крупным центральным усыпальницам. Из-за неясности индивидуальной принадлежности таких жертвенников (вероятно, они предназначались для всех погребенных в комплексе), использовать их для гендерно-возрастного анализа не представляется возможным.

3.1.5. Социальные роли женщин. Женщина хоронилась в уборе, маркирующим ее гендерную принадлежность. Кроме украшений, в захоронениях представлены лишь несколько предметов быта: шесть ножей, шило и игла. Но во всех, за исключением трех, женских могильных ямах были зафиксированы украшения, при этом, в 11 из 17 (64,7%) непотревоженных захоронений был представлен практически полный набор декора головы, обуви и одежды. Надо отметить, что такой набор характерен, в общем, для женщин всех возрастных групп от 15 до 50–60 лет, хотя основная масса приходится на молодых. Однако, эта «молодая» возрастная группа является преобладающей среди алакульской взрослой погребенной популяции (женщин старшей возрастной группы 45+ всего восемь). Таким образом, в погребениях отражена лишь гендерная роль женщин, от младенческого возраста до старческого.

3.1.6. Социальные роли мужчин. Немногое можно сказать про социальные роли мужчин, основываясь на анализе погребального инвентаря. Орудия труда в них отсутствуют, предметы вооружения и конской упряжи представлены единично. Однако, это, скорее всего, не означает, что социальные роли мужчин претерпели какое-то кардинальное изменение по сравнению с синташтинско-петровским периодом. Представляется, что занятия, связанные со скотоводством, должны были в целом остаться те-

ми же – выпас и уход за животными, поскольку экономическая основа, судя по находкам на поселениях, не изменилась. Metallургия и военное дело продолжали существовать, чему достаточно подтверждений. Сократились избыточные направления вложения труда, такие как поддержание колесничного комплекса и строительство фортификационных линий вокруг поселений. Ритуальная деятельность изменилась в сторону серьезного сокращения трудозатрат и, соответственно, времени, посвящаемого выполнению погребальных ритуалов.

3.1.7. Детские погребения. Детская составляющая (дети до 15 лет) в среднем по всем памятникам достигает 250 индивидов (64,4%). При этом 79 (31,6%) из них умерли до достижения 2 лет. Погребения преимущественно индивидуальные, устроены в мелких ямах небольшого размера и глубины. Погребальный инвентарь был обычно немногочислен, в среднем, около 46,6% детей были похоронены без каких-либо артефактов, исключая посуду, которая присутствовала в абсолютном большинстве захоронений (98,4%).

Все предметы, обнаруженные в детских могилах, представляют собой украшения или детали костюма. Какие-либо орудия труда или предметы быта не полагались детям. Единичные случаи – находка пяти костяных «спиц» (Степное VII, яма 59, ребенок возрастом 0–3 мес.), бронзового ножа в погребении 7 из могильника Алакуль (курган 27), бронзового кинжала (Степное VII, комплекс 8). Единственной более или менее часто встречающейся категорией сопроводительного инвентаря можно считать астрагалы, которые в алакульский период сопровождают только детей.

3.1.8. Социализация детей в алакульском обществе. Гендерная социализация. Алакульские погребения дают достаточные основания для интерпретации гендерной социализации, правда, лишь девочек. Украшения в этот период сопровождали детей (девочек?) с самого раннего возраста (например, Степное VII, яма 63, ребенок 9–12 мес.). Накосные и другие сложные украшения зафиксированы у девочки 6 лет (курган 5, яма 3, Кулевчи VI), но это скорее исключение, чем правило. Накосники начинают чаще встречаться с подросткового возраста (с 9–12 лет) и могут знаменовать собой переход в иную социовозрастную категорию – молодых девушек (женщин). Все накосные украшения принадлежали девушкам и женщинам до 30 лет, таким образом, эти украшения могли маркировать молодых или зрелых женщин, как замужних, так и только достигших брачного возраста.

Вопрос, редко задаваемый исследователями: что представляют собой погребения алакульских мальчиков? Поскольку погребения мужчин практически не имеют вещевых гендерных маркеров, на этот вопрос довольно сложно ответить. Выдвинуто предположение, что именно в могилы мальчиков могли класться астрагалы [Усманова, 2005, с. 119]. Наше исследование в целом подтверждает этот тезис. Однако они не были универсальным гендерным маркером и использовались в качестве такового только в некоторых коллективах. В любом случае, приходится констатировать, что ступени социализации мальчиков в алакульском погребальном обряде отражены слабо.

В *параграфе 3.1.9.* приведен сравнительный гендерно-возрастной анализ алакульских памятников сопредельных территорий.

Параграф 2 посвящен анализу памятников срубной культуры. В нем дана общая характеристика культуры и погребальных памятников (*параграфы 3.2.1 и 3.2.2*). Источниковая база включает 380 могильных ям (404 погребенных).

3.2.3. Гендерные категории (мужчины/женщины). Маркеры гендерной принадлежности. Мужские погребения представлены 49 индивидами всех возрастных категорий (от 18 до 65 лет). 32 погребения принадлежало мужчинам «младшей» возрастной группы (от 15 до 40 лет) и 16 – старшей (более 40). Инвентарь «младшей» взрослой возрастной группы крайне скромнен. Посуда была поставлена во все могильные ямы, но минимум 16 индивидов было захоронено без иного инвентаря (50%), не было его также и в шести ограбленных или разрушенных погребениях. Индивидов *женского пола* 42, у одного не определен возраст. Представлены возрастные группы от 15 до 55 лет. Подавляющее большинство погребений принадлежит женщинам «молодой» группы (до 45 лет) – 32 индивида (78,0%). Старшая возрастная группа немногочисленна – всего девять умерших. Женщины старше 35–40 лет погребались в абсолютном большинстве без инвентаря, тогда как около 50% более молодых женщин было похоронено с украшениями. В целом, женские погребения отличаются большей вариабельностью, по сравнению с мужскими, в особенностях погребального инвентаря, позиции и группировки умерших.

3.2.4. Жертвоприношения животных (гендерно-возрастной аспект). Жертвенные комплексы или отдельные кости животных обнаружены не во всех срубных могильниках. Жертвенники представлены отдельными костями или комплектами «голова + конечности». Часто они располагались на подкурганной площадке вблизи могильных ям. В целом,

они демонстрируют довольно слабую связь с возрастом или гендером погребенных.

3.2.5. Социальные роли женщин и мужчин. Скучное количество сопроводительного инвентаря в погребениях позволяет обсуждать данный вопрос лишь в общих чертах. Свидетельства военного дела прослеживаются слабо, изученные антропологами скелеты не демонстрируют травм, полученных в конфликтах с применением оружия. Мужские и женские роли, вероятно, сводились к традиционным занятиям. Изотопные анализы и анализы двигательной активности позволяют предположить, что население, как мужчины, так и женщины, активно занималось физическим трудом и было подвержено заболеваниям опорно-двигательного аппарата и разного рода травмам.

3.2.6. Детские срубные захоронения довольно однотипны и стандартны. Всего в данной работе были проанализированы 246 детских погребений (до 15 лет) (234 могильные ямы). Однако, возраст смерти определен лишь для 146 покойных. Детские могильные ямы, как и взрослые, в абсолютном большинстве индивидуальные – 207 ям из 234 (88,4%). Обычно они довольно мелкие или даже не заглублены в материк. Инвентарь детских погребений крайне скромный. 170 детей были захоронены только с посудой (69,1%), в 12 погребениях никаких сохранившихся артефактов не было. Большинство инвентаря представлено украшениями, в основном, пастовыми бусинами. Второй по встречаемости категорией являются астрагалы. В отличие от алакульских, в детских погребениях срубной культуры единично попадаются такие предметы, как наконечники стрел, бронзовый серп, каменная булава. Интересно, что процент детей, захороненных с инвентарем, почти не повышается с возрастом, но наиболее разнообразным является инвентарь старшей детской возрастной группы (от 2 до 10 лет). Погребения маленьких детей (0–2 года) почти не содержали инвентаря, за исключением украшений одежды. Сложно провести сравнение с подростковой категорией (10–15 лет) из-за ее малочисленности.

3.2.7. Социализация детей в срубном обществе. Реконструкция гендерной социализации возможна лишь в общих чертах. Дети до 2 лет погребались с гендерно-нейтральным инвентарем или без него. С 5–8 лет у некоторых девочек (?) появляются металлические украшения – подвески в 1,5 оборота и браслеты. Но процент их ничтожен: украшения встречены в девяти погребениях из 73. Однако, у молодых женщин (15–35 лет) про-

цент погребений с украшениями приближается к 50,0%. Так что наблюдается тенденция увеличения количества этих погребений с возрастом.

Судя по данным погребального обряда, мальчиков в срубных коллективах обычно хоронили без инвентаря. Но им, вероятно, могли принадлежать шесть погребений с астрагалами и без украшений (дети от 3 до 8 лет), а также с наконечниками стрел (три случая, от 2 до 8 лет) и навершием булавы (9–10 лет).

Что касается трудовой социализации, то в срубных могильниках крайне мало орудий труда. Они представлены несколькими бронзовыми ножами и шильями, серпом, пряслицами и единичными каменными орудиями. Основываясь на материалах других культур, можно предположить, что приучение детей к труду осуществлялось с раннего возраста, как и во всех коллективах с традиционным укладом хозяйства, и в соответствии с гендером ребенка.

3.2.8. Могильники сопредельных территорий. Ближайшими соседями приуральского срубного населения является срубное население Поволжья. Могильники демонстрируют очевидные черты сходства с приуральскими памятниками в отношении основных канонов обряда. Погребальный инвентарь в целом немногочислен и представлен теми же категориями, что и в Приуралье.

Параграф 3 рассматривает синкретические (срубно-алакульские) памятники с гендерно-возрастной точки зрения. Общая характеристика памятников дана в *параграфах 3.1.1. и 3.1.2.* Источниковая база составила 148 могильных ям, в которых было погребено 165 умерших.

3.3.3. Гендерные категории (мужчины/женщины). Маркеры гендерной принадлежности. Мужские погребения. В выборке всего шесть индивидов из могильников Селивановский II и Песчанка. Возраст умерших молодой – от 17–25 до 30–35 лет. Инвентарь представлен бронзовым «зажимом» и каменным пестом. *Женские погребения.* Антропологически определенных женских скелетов также шесть – четыре из Селивановского могильника и два из Песчанки 3. Возраст умерших – от 15–16 до 50–60 лет. Инвентарь представлен посудой и украшениями.

3.3.4. Жертвоприношения животных (гендерно-возрастной аспект). Кости животных единичны в срубно-алакульских памятниках, непосредственная связь с гендером и возрастом погребенных не прослеживается.

3.3.5. Социальные роли мужчин и женщин. Можно констатировать определенное сходство между срубно-алакульским и алакульским погре-

бальным обрядом в сфере снабжения инвентарем взрослых женщин. Большинство мужчин захоронено без инвентаря. Бронзовый нож и каменный пест представляют собой все находки. Тем не менее, нет оснований предполагать, что социальные роли населения контактной зоны были кардинально иными по сравнению с ролями в срубном или алакульском обществах, которые подробно обсуждались выше.

3.3.6. Детские погребения. База данных содержит информацию о 85 индивидах, умерших до достижения 15 лет (72 могильные ямы). Возраст смерти определен лишь для 25 покойных. Подавляющее большинство детских захоронений – индивидуальные (46 могильных ям – 88,5%). Инвентарь детских захоронений не отличается разнообразием. 52 индивида из 68 (76,5%) были погребены в сопровождении только посуды, шесть – без какого-либо инвентаря. Предметный комплекс остальных представлен браслетами, бусинами, кристаллами горного хрусталя, астрагалами, клыками животных. Присутствие погребального инвентаря и его состав не зависело напрямую от возраста и, вероятно, пола умершего ребенка, так как никакой динамики не наблюдается. Манера сопровождения детей предметами скорее напоминает срубную традицию, нежели алакульскую.

Параграф 4 посвящен памятникам финальной бронзы. В *параграфах 3.4.1* и *3.4.2* приведена общая характеристика памятников. Источниковая база составила 55 могильных ям, в которых были захоронены 58 умерших. Для зауральских памятников характерно почти полное отсутствие погребений индивидов до 15 лет. Большинство погребенных относятся к возрастной группе от 15 до 40 лет. В отличие от предыдущих периодов, хорошо представлена старшая возрастная группа (40+).

3.4.3. Гендерные категории (мужчины/женщины). Маркеры гендерной принадлежности. Материалы погребений эпохи финальной бронзы позволяют дать лишь очень общую характеристику мужских и женских захоронений. Женских погребений всего восемь. Два из них совершенно безынвентарны, в четырех обнаружены лишь сосуды. Только в трех погребениях были найдены: два железных ножа (могильники Верблюжьих Горки и Макан) и остатки украшений из бронзы (Макан и Белоключевка-7). Интересен тот факт, что возраст *всех* погребенных женщин превышал 25–30 лет, и трое из них принадлежали к старшей возрастной группе (от 40–45 до 55 лет).

Мужских погребений насчитывается 14, шесть из них являются безынвентарными, в трех были поставлены лишь сосуды, в остальных зафиксированы: скопление разноцветной гальки (Бестамак), наконечники

стрел (Верблюжьи Горки), медное кольцо (Белоключевка-7) и бронзовая бляшка (Красногорский). Что касается возраста умерших, здесь можно увидеть ту же тенденцию, что и в погребениях женщин. Возраст смерти всех мужчин скорее зрелый (от 25–30 лет) и пожилой (старше 55–60). Исключением является лишь один индивид, умерший в молодости (16–20 лет).

Из изложенного выше очевидно, что вещевых маркеров гендерной принадлежности умерших почти нет, или они не сохранились. Есть единственный пример, снабженный антропологическим определением: мужчина (25–30 лет) из могильника Верблюжьи Горки был захоронен с тремя костяными наконечниками стрел.

3.4.4. Детские погребения. В Зауралье детские погребения эпохи финальной бронзы практически отсутствуют (лишь ребенок возрастом около года в парном погребении с женщиной из могильника Белоключевка-7). 13 детей было захоронено в крупном Красногорском могильнике, но возраст определен лишь для двух – 6–8 и 7–8 лет. Детские погребения по обе стороны Урала в абсолютном большинстве безынвентарны. Лишь в одном случае обнаружены фрагменты сосуда. Все захоронения индивидуальные, за исключением погребения из Белоключевки-7. Позиция и ориентация детей соответствовали стандартам, принятым на отдельных могильниках.

Глава 4. «Социальная интерпретация погребальной обрядности эпохи бронзы (гендерно-возрастной аспект)».

В *Параграфе 1* анализируется динамика развития и трансформация гендерных стереотипов, обобщаются данные по гендерному и возрастному разделению труда в изучаемых обществах. При рассмотрении отражения гендерных структур в погребальном обряде в их динамике становится очевидным, что *синташтинские* коллективы стремились при погребении как можно полнее отразить социальные роли своих умерших. В одной могильной яме одновременно могут быть встречены орудия труда, артефакты, связанные с производством или обработкой металла, украшения, предметы вооружения, атрибуты колесничного комплекса. В *петровской* традиции принципы снабжения умерших инвентарем и жертвенными животными меняются, но перемены связаны в большей степени с детьми и женщинами. Мужчины в непотревоженных погребениях сопровождалась предметами колесничного комплекса, вооружением, реже орудиями труда. В составе женского погребального инвентаря абсолютно доминируют украшения. В целом необходимо отметить, что в абашевско-

синташтинский период в погребениях с помощью предметов в равной степени маркировались *оба* гендера – мужской и женский, что отличает этот период от последующего – срубно-андроновского.

Алакульская традиция в аспекте трансформации гендерных стереотипов отчасти продолжает петровскую. Женский гендер устойчиво маркировался в алакульских погребениях с помощью украшений. Сопроводительный инвентарь мужских захоронений становится редкостью, из могил почти полностью исчезают орудия труда и предметы вооружения. Находки деталей конской упряжи и, особенно, следов установки колесниц единичны. *Срубная* погребальная традиция остается необыкновенно устойчивой на протяжении всего периода обитания этого населения на Южном Урале. Мужской гендер в срубных погребениях не был маркирован с помощью предметов, женский был отражен в половине случаев.

Таким образом, трансформацию гендерных стереотипов, отраженную в погребальном обряде, можно проследить лишь для зауральской линии синташта-петровка-алакуль. Для противоположных концов этого спектра (от синташтинской культуры к алакульской) очевидно, что принципы снабжения погребенных предметами, отражающими их гендер, меняются кардинально.

Какие изменения в обществе могли привести к подобным переменам? Если исходить из генетической связи алакульских традиций с синташтинскими, можно предположить следующее. Синташтинские коллективы не чувствовали себя в полной безопасности на новой для них территории, строили укрепления, демонстрировали свою воинственность и богатство скотом в погребальной сфере. В алакульский период ситуация оценивалась населением как относительно безопасная и благоприятная. Соответственно, необходимость инвестировать большие ресурсы в «невозвратные» с экономической точки зрения сферы жизни со временем стала казаться неоправданной. В таком случае, одна из мужских социальных ролей – «воина-колесничего», могла совсем исчезнуть в течение алакульского периода.

В эпоху поздней бронзы в доистории Южного Урала мы имели дело в основном с эволюционным развитием культурных стереотипов. После XV в. до н.э., в период финальной бронзы, наступает радикальная смена модели погребальной обрядности. Захоронения этого периода единичны, вариативны и почти лишены сопроводительного инвентаря. Гендерные и возрастные социальные структуры совершенно не отражены в погребаль-

ных памятниках периода финальной бронзы. Причины, вызвавшие такие резкие перемены, еще предстоит выяснить.

Параграф 2. *Символизм в детских погребениях эпохи бронзы. Коллективные детские погребения и причины разных способов «отдаления» детей.* Обсуждая детские захоронения исследуемого периода, нельзя обойти вниманием такой феномен, как наличие больших коллективных детских усыпальниц, и вообще, коллективный характер большинства детских захоронений в синташтинское время.

Причины коллективности детских погребений и их многочисленности на общих кладбищах следует искать в идеологической сфере тем более, что в синташтинское время не только дети, но, в среднем, около 50% взрослых были также захоронены неиндивидуально. Коллективный характер погребений, возможно, отражал высокую степень консолидации сообщества в целом. Поселения этого времени также демонстрируют стремление населения жить ближе друг к другу, территория была плотно застроена домами, которые соприкасались стенами. Люди предпочитали держаться вместе как в жизни, так и в смерти. Большое количество детей на памятниках исследуемого периода может объясняться их включенностью в социальную структуру, они занимали важное место в этом образе сплоченного коллектива.

Статус детей в обществах эпохи бронзы Южного Урала было бы некорректным характеризовать в терминах «высокий/низкий». Несмотря на постепенное упрощение ритуала и трансформацию модели погребальной обрядности, можно предположить, что отношение к детям продолжало оставаться в этих обществах стабильно позитивным, они воспринимались как члены коллектива. В качестве «независимого» свидетельства статуса детей в обществах бронзового века Южного Урала, можно рассматривать результаты изотопного анализа и исследования зубной системы, предпринятых на материалах могильников Бестамак и Лисаковский [Ventresca Miller et al., 2014a; 2014b]. В обоих случаях ни в диете, ни в распространении зубных заболеваний значимых различий между взрослыми и детьми обнаружено не было.

Параграф 3. *Реконструкция родства и семейных связей. 4.3.1. «Семейные» погребения синташтинской культуры.* Существует небольшая серия синташтинских погребений, которые выглядят как захоронения нуклеарной семьи – мужчины, женщины и ребенка (или одного из их детей): яма 6 кургана 10 могильника Кривое озеро, яма 12 могильника Бестамак и погребение 6 могильника У горы Березовой.

Можно предложить несколько интерпретаций таких захоронений: (1) убийство/нападение; (2) несчастный случай (пожар, наводнение и другие катаклизмы); и (3) болезнь/эпидемия. Версия смерти в результате нападения вероятна, но не находит прямого археологического подтверждения, так как следов травм на костях не обнаружено. Наиболее вероятными следует признать версии, предполагающие одновременную смерть нескольких членов одной семьи от болезни или несчастного случая. Трудные условия жизни в степях эпохи бронзы, безусловно, провоцировали болезни и эпидемии, и люди с ослабленным иммунитетом, особенно, дети, становились наиболее вероятными жертвами. Смертность среди взрослых также была достаточно высокой. Несчастный случай (пожар или утопление) мог с той же вероятностью быть причиной одновременной смерти семьи или ее части (родителей и одного из их детей).

В целом, несмотря на отсутствие прямых свидетельств, данную серию погребений можно с некоторой уверенностью считать захоронениями нуклеарной семьи. ДНК-исследования подтверждают, что семьи, члены которых по каким-то причинам умерли одновременно, как правило, и захоранивались вместе, даже если стандартный обряд предполагал индивидуальную манеру погребения [Meyer et al., 2009].

4.3.2. Погребения в «позе объятий» и их интерпретация. Так называемые «погребения в позе объятий», где индивиды уложены иногда просто лицом друг к другу, а иногда обнимают друг друга впервые появляются в *синташтинскую* эпоху. Ранние захоронения очень вариативны по компоновке погребенных «пар» и, чаще всего, включены в состав больших коллективных усыпальниц.

В петровских захоронениях, как и в синташтинских, гендер обоих полов маркирован с помощью артефактов. Петровское население впервые начинает практиковать погребения детей в «позе объятий».

В алакульский период традиция достигает апогея. От одного до нескольких погребений в «позе объятий» были встречены почти на каждом алакульском могильнике. Возраст погребенных варьирует. Можно увидеть три основные модели компоновки пар по полу и возрасту: (1) двое взрослых (мужчина и женщина); (2) двое детей (дети обычно примерно одного возраста, от 4 до 7 лет); (3) взрослый мужчина и подросток от 9 до 15 лет (вероятно, девочка). В этот период гендер мужчин перестает быть маркирован в погребениях, в том числе, и в этом типе захоронений. Исключение составляют лишь несколько погребений.

Для срубного общества традиция погребений в позе объятий скорее не характерна, такие комплексы редки.

В захоронениях в «позе объятий» можно усмотреть ряд закономерностей: позиция, разнополый состав, сопровождающие погребенные, погребение мужчины на левом, а женщины на правом боку в абсолютном большинстве случаев, а также ярко акцентированный гендер женщин и девочек.

Можно интерпретировать погребения «в позе объятий», особенно, детские (они не могли еще быть супругами, но имитировали и/или замещали взрослых мужчину и женщину) как своего рода жертвенные комплексы, устроенные не для того, чтобы отразить социальную идентичность умерших или их брачный статус, но чтобы выразить некую жизненно важную для общества идею, передать послание богам или потусторонним силам. Вероятно, эти комплексы формировались в какое-то трудное для сообщества время, когда люди пытались привлечь внимание высших сил к своим проблемам. С покойными в таких случаях обращались как с предметами, укладывали в определенной позиции, одного из пары – женщину (девочку), богато украшали. Эти погребения выглядят высоко сакрализованными, они не просто результат обряда удаления умерших супругов от живущих сородичей.

В целом, по нашему мнению, погребальный обряд исследуемых культур не дает возможности реконструировать брачные связи. Погребения «в позе объятий», с нашей точки зрения, нельзя рассматривать ни как доказательство существования парного брака, ни как свидетельство наличия полигамии.

Параграф 4. 4.4.1. Погребения на поселениях. Абашевско-синташтинский период. В синташтинское время в Южном Зауралье впервые появляется практика погребений на поселениях. Захоронения детей под полами построек обнаружены на поселении Аркаим, Устье I и Каменный Амбар, а также на петровском поселении Кулевчи III. Погребения взрослых в этот период единичны. Известны всего два примера: погребение на поселении Малоюлдашево и Мало-Кизыльское селище.

В этот период захоронение в жилом пространстве *детей* было частью нормативной погребальной практики. Они устроены в соответствии с основными правилами, и отличаются от захоронений на могильниках лишь своей локализацией в жилом пространстве. Про погребения взрослых этого сказать нельзя. Погребения взрослых на Мало-Кизыльском селище выглядят случайными, их позиции и контекст говорят о том, что эти

люди не были захоронены в соответствии с правилами и в подобающем месте – они остались там, где их застигла смерть. Захоронение на поселении Малоюлдашево, безусловно, преднамеренное и устроено в соответствии с большинством канонов, однако, локализация погребения, отсутствие могильной ямы, позиция одного из скелетов, травмы на черепе женщины – все это свидетельствует о необычных событиях, результатом которых стал этот погребальный комплекс. Таким образом, погребения взрослых на поселениях этого времени можно отнести к разряду «девиантных» – то есть, не вписывающимися в модель погребальной обрядности социума.

4.4.2. Погребения на поселениях в срубно-андроновский период и в эпоху финальной бронзы. В отличие от большинства интрамуральных захоронений абашевско-синташтинского периода, это захоронения не только маленьких детей, но и взрослых индивидов. Погребения людей обнаружены минимум на 30 поселениях эпохи бронзы региона.

С точки зрения возрастного и гендерного состава погребенных, захоронения предельно разнообразны. Некоторые умершие (маленькие дети и часть взрослых) были захоронены согласно традиции – скорченно на левом боку, в сопровождении посуды (Родниковое поселение, Устье, Лисьи Горы, Мурадымовское). Другие погребенные (или части их скелетов), как правило, взрослые люди, несли на себе следы особого обращения (частичное обожжение, расчленение, захоронение лишь части трупа) и/или находились в нестандартной позиции (Таналык I, Кузьминковское II поселение, Покровское поселение, Токское поселение, взрослое захоронение на Устье, Мирный IV, Коркино; Лисаковское). Отдельные человеческие кости находились в слое поселения или в заполнении жилищ на селище Горный.

Таким образом, интерпретируя захоронения на поселениях в эпоху бронзы, необходимо осознавать, что погребения эти разнотипны, и, следовательно, могут быть детерминированы различными причинами. К первому типу могут быть отнесены как детские, так и взрослые захоронения, устроенные в соответствии с правилами, диктуемыми погребальными канонами. Второй тип – погребения, не соответствующие канонам обрядности, расчлененные, изувеченные тела в нестандартной позиции. Все они, судя по имеющимся данным, принадлежали взрослым, мужчинам в большей степени, чем женщинам. И наконец, третий тип – находки отдельных костей или частей скелета, как правило, и детских, и взрослых.

Погребения первого типа могли быть совершены в случае, если не было возможности или времени (уход коллектива на другое место обитания, ритуал оставления поселения, конфликт с соседями) похоронить умерших на экстрамуральном кладбище.

Погребения второго типа, возможно, действительно были результатом конфликта, преступления или узаконенного насилия (жертвоприношение, казнь).

Что касается третьего типа – отдельных костей, найденных в культурном слое или в заполнении построек, трудно судить, результатом каких действий они могли являться. Кости могли служить объектами манипуляций со стороны людей в ходе обрядов, возможно, кости новорожденных представляли собой разрушенные детские погребения.

Таким образом, основываясь на имеющихся данных, можно заключить, что в ранний период, погребения детей на поселениях является вариантом нормативной погребальной практики, взрослые выглядят скорее девиантными. В последующие периоды погребения взрослых на поселениях уже допускаются нормативной погребальной практикой, однако, ряд захоронений являются девиантными. В целом, девиантные погребения связаны в оба периода с взрослыми индивидами.

Параграф 5. Погребения по обряду кремации в эпоху поздней и финальной бронзы (гендерно-возрастной аспект). Практика кремирования умерших появляется в Южном Зауралье, по-видимому, в пост-синташтинское время, а в Приуралье, по некоторым данным, несколько ранее, так как известно несколько абашевских кремаций. Этот обряд продолжает бытовать до конца эпохи финальной бронзы. В базе данных автора данной работы таких (более или менее хорошо документированных) захоронений насчитывается 38.

Данные о поле и возрасте предполагают, что большинство кремированных умерли, будучи взрослыми. Имеющиеся антропологические определения пола скудны, но для алакульской культуры на основании присутствия украшений можно предполагать, что большинство кремированных были женщинами (или девочками). Погребения по обряду кремации снабжались посудой и инвентарем в соответствии с теми же принципами, что и погребения по обряду ингумации. Так, если для алакульской культуры характерны украшения в качестве инвентаря, то они присутствуют и в захоронениях с кремированными останками. Если для срубных и срубно-алакульских могильников характерно крайне малое количество пред-

метов в погребениях, то они отсутствуют и в захоронениях с трупосожжениями.

Можно предположить, что детерминанты использования альтернативного обряда были различными: семейные традиции, происхождение (горизонтальная социальная позиция) и вертикальный статус. В некоторых случаях, сожжение тела могло служить цели обезвреживания/очищения умерших «нехорошей» смертью или от болезни.

Заключение. Погребальная обрядность населения Южного Урала в течение бронзового века, несмотря на сохранение некоторых черт, присущих всей эпохе, претерпела значительные изменения. Данное исследование берет начало с синташтинских памятников, сложных по устройству, богатых инвентарем и жертвоприношениями животных, и заключается эпохой финальной бронзы, представленной единичными погребальными комплексами с минимумом инвентаря и трудозатрат. Как видно из всей представленной выше работы, социальные роли и стереотипы населения бронзового века, основанные на возрасте и гендере, хорошо отражены в погребальных источниках, но с разной степенью полноты для различных периодов.

Целью исследования являлась реконструкция гендерной и возрастной дифференциации в обществах эпохи бронзы Южного Урала, что включало изучение гендерных и возрастных групп в составе социальной структуры обществ, реконструкцию гендерных стереотипов и социальных ролей в их динамике, этапов социализации детей в изучаемых социумах, а также, по возможности, детерминант, повлиявших на форму погребальных действий. Подведем основные итоги работы.

Синташтинские памятники, хорошо изученные на фоне других культур эпохи бронзы Южного Урала, позволяют обсуждать все перечисленные выше вопросы, связанные с возрастными, гендерными, и, отчасти, профессиональными структурами, а также этапы социализации детей. Синташтинский погребальный обряд снабжает нас информацией о двух основных гендерных группах – мужчинах и женщинах, маркированных с помощью артефактов в погребальном обряде. Умершие всех возрастов, начиная с 10–15 лет, сопровождались гендерно-различительным инвентарем, мужчины и женщины в равной мере. Общественное разделение труда и социальные роли хорошо проиллюстрированы особенностями погребального инвентаря.

В **петровских** могильниках Южного Зауралья мы видим крайне малочисленную и сильно деформированную в демографическом смысле

погребенную популяцию. Важно отметить, что именно в петровское время произошли изменения в принципах отбора сопроводительного инвентаря в сторону преимущественного отражения гендерной идентичности. Взрослые погребенные всех возрастов сопровождалась гендерно-различительными артефактами: мужчины – предметами вооружения и колесничного комплекса, женщины – преимущественно украшениями.

В отличие от синташтинского и петровского, в *алакульском* погребальном обряде отражены лишь гендерные и возрастные аспекты социальной жизни, при этом, в подавляющем большинстве случаев демонстрация гендерных стереотипов связана с женщинами различных возрастов. Мужской гендер, равно как и мужские возрастные группы в погребениях, за редкими исключениями, не отражены.

Специфика погребального обряда *срубной* культуры такова, что принципы снабжения/не снабжения умерших погребальным инвентарем, за исключением посуды и украшений, остаются неясными. Связь между украшениями и женскими погребениями почти бесспорна, но лишь около половины женщин было погребено с украшениями. Украшения являются маркером женского гендера в срубной культуре. Большинство мужчин захоранивалось без инвентаря, в наборах остальных индивидов мужского пола невозможно уловить закономерности.

Срубно-алакульские памятники отчетливо отражают смешение культурных традиций не только в облике керамики, но и в деталях погребального обряда, включая его поло-возрастные аспекты. Что касается манифестации в погребениях гендерных и возрастных групп, то можно заключить, что с женщинами обращались скорее в алакульской манере, нежели в срубной. Противоположное отношение мы наблюдаем к детям и мужчинам, которые в подавляющем большинстве погребались лишь с посудой, что в равной мере соответствует и алакульской, и срубной традиции.

Погребения эпохи *финальной бронзы* Южного Урала в подавляющем большинстве гендерно-нейтральны по своему сопроводительному инвентарю. Конструкция курганов, локализация погребения в пространстве, обращение с телом (ингумация, кремация, позиция, ориентация и т.д.), снабжение частями туш животных – также не имеют гендерной окраски в этот период. Инвентарь весьма скуден и представлен лишь в малой части захоронений.

Возрастные группы среди детской составляющей социума (до 15 лет) удалось выявить на синташтинских и алакульских материалах (они в

основном совпадают с этапами социализации); для петровских, срубных, срубно-алакульских и финальных памятников их интерпретация проблематична. Однако, почти во все периоды, исключая финальный, возрастные группы на уровне *взрослый/ребенок* разделяются довольно отчетливо.

Источники по синташтинской, срубной и алакульской культурам позволили выделить старшую возрастную группу (45+). Во всех случаях эта группа относительно малочисленна, что связано с низкой продолжительностью жизни. Индивиды старшей возрастной группы в синташтинских памятниках ничем не отличались по набору инвентаря и другим показателям от основной взрослой возрастной группы (от 15 до 45 лет). Гендерная идентичность не утрачивалась с возрастом в синташтинском обществе. Погребения людей старшей возрастной группы петровской культуры демонстрируют аналогичную ситуацию.

В могильниках алакульской и срубной культур мужчины всех возрастных групп погребены в большинстве случаев только с посудой, женщины – с украшениями, однако наборы «старших» (45+) женщин скромнее, чем молодых, у них практически отсутствуют наконечники украшений и челюстно-лицевые подвески. Следует отметить, что индивидов «старшего» возраста не хоронили в «позе объятий». Таким образом, возрастные группы женщин были маркированы с помощью наборов украшений и имели тонкие нюансы в комплектации, возможно, связанные с пиком и снижением (утратой) фертильности.

В период финальной бронзы возрастные группы не имели вещевых или иных маркеров. Обращает на себя внимание, во-первых, отсутствие детских погребений в Зауралье в это время и, во-вторых, значительный возраст дожития взрослых из изученных курганов по обе стороны Урала. Возможно, именно возраст играл ключевую роль при выборе способа отдаления умершего.

Социализация детей. В синташтинское время детский погребальный инвентарь включал некоторые орудия труда, и имел гендерную окраску. Материалы поселений свидетельствуют, что дети приобщались к различным видам домашних производств с раннего возраста. Детские отпечатки пальцев на сосудах и керамических предметах доказывают это со всей очевидностью.

Развитие петровской культурной традиции привело к изменению принципов формирования детских погребений. Подавляющее большинство детей теперь хоронилось очень скромно, в индивидуальных могильных ямах. Сопровождающий их инвентарь и жертвоприношения живот-

ных сводились к минимуму. Однако количество украшений, в том числе, из металла, возрастает.

Гендерная социализация девочек в алакульской культуре, вероятно, начиналась очень рано, с первого года жизни. Но полные комплекты женских украшений начинают массово появляться в погребениях с подросткового возраста (с 9–12 лет) и могут знаменовать собой переход в иную категорию – молодых девушек (женщин). Алакульские мальчики, как и мужчины, обычно погребались без сопроводительных предметов, за исключением астрагалов.

Детские погребения срубной культуры, равно как и синкретические (срубно-алакульские) почти не позволяют обсуждать вопросы социализации. Большинство детей и взрослых не имели при себе сопроводительного инвентаря, за исключением керамических сосудов.

Профессиональные группы. Профессиональных социальных групп в полном смысле этого слова обнаружить не удалось, вероятно потому, что их еще не существовало в обществах этого уровня сложности и в изучаемый период времени. Мы не отрицаем наличия *специалистов* различного профиля – во все времена одним людям удавалось что-то лучше, чем другим. Но социальные группы на основе *профессиональной деятельности* еще, очевидно, не оформились. Нет никаких свидетельств наличия рынка сбыта продукции или устойчивой торговли (обмена) на дальние расстояния. Соответственно, узкие специалисты не могли быть полностью (или почти полностью) выключены из повседневной деятельности для поддержания жизни коллектива. Аналогичное мнение сложилось и относительно профессиональных «воинов-колесничих». Археологические данные в целом подтверждают этот тезис.

В заключение следует отметить, что данное исследование охватило почти все имеющиеся качественные источники, но в перспективе видится продолжение изучения гендерно-возрастной тематики. Новые раскопки и публикации, новые методы, применяемые к этому перспективному материалу, позволят скорректировать выводы, предложенные в работе, и сделать социальные реконструкции более полными и доказательными.

Положения диссертации отражены в следующих основных публикациях (общий авторский вклад – 76,8 п.л.)

Статьи, опубликованные в ведущих науч. рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки

1. Шарапова С. В., **Берсенева Н. А.** Социальная символика: система понятий и проблемы изучения // Уральский Исторический Вестник. – 2006. – № 14. – С. 25–35. (авт. вклад – 0,5 п.л.).
2. **Берсенева Н. А.** Гендерный символизм в детских погребениях синташтинской культуры // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2008. – Вып. XXII. – С. 99–109. (1 п.л.).
3. **Берсенева Н. А.** Погребальные памятники саргатской культуры Среднего Прииртышья: гендерный анализ // Археология, этнография и антропология Евразии. – № 3 (43). – 2010. – С. 72–81. (1 п.л.).
4. **Берсенева Н. А.**, Созина Е. К., Чаиркина Н. М., Широков В. М., Шорин А.Ф. Рецензия. История башкирского народа: в 7 т. / Гл. ред. М.М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. М.: Наука, 2009. Т. I. 400 с: ил. // Уральский Исторический Вестник. – 2010. – № 2 (27). – С. 143–146. (авт. вклад – 0,2 п.л.).
5. **Берсенева Н. А.** Социализация детей как одно из направлений социокультурной адаптации в древних обществах (по материалам синташтинской культуры) // Уральский исторический вестник. – 2010. – № 2. – С. 38–45. (1 п.л.).
6. **Берсенева Н. А.** Женские погребения с оружием: реалии жизни или отображение социальной идентичности? (по материалам саргатской культуры) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 1 (14). – С. 72–79. (1 п.л.).
7. Корякова Л. Н., Краузе Р., Епимахов А. В., Шарапова С. В., Пантелеева С. Е., **Берсенева Н. А.**, Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И. В., Чечушков И. В. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, антропология и этнография Северной Евразии. – 2011. – № 4. – С. 61–74. (авт. вклад – 0,2 п.л.).
8. Епимахов А. В., **Берсенева Н. А.** Вариативность погребальной практики синташтинского населения (поиск объяснительных моделей) // Вестник НГУ. – 2012. – Т. 11. – Вып. 3. – С. 148–70. (авт. вклад – 1 п.л.).
9. Епимахов А. В., **Берсенева Н. А.**, Пантелеева С. Е. Миниатюрные сосуды укрепленного поселения Каменный Амбар // Уральский исторический вестник. – 2012. – № 4. – С. 70–77. (авт. вклад – 0,4 п.л.).
10. **Берсенева Н. А.** Погребения людей старшей возрастной группы (саргатская культура) // РА. – № 1. – 2013. – С. 22–29. (1 п.л.).
11. **Берсенева Н. А.** О подходах к изучению милитаризации синташтинского общества // КСИА. – 2013. – Вып. 231. – С. 36–43. (0,7 п.л.).

12. Виноградов Н. Б., **Берсенева Н. А.** Интрамуральные захоронения детей на поселениях первой трети II тыс. до н.э. (в Южном Зауралье) // Археология, этнография и антропология Евразии. – № 3. – 2013. – С. 59–67. (авт. вклад – 0,5 п.л.).

13. **Берсенева Н. А.**, Гильмитдинова А. Х. Детские погребения ранних кочевников Южного Урала (IV – II вв. до н.э.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – № 2 (21). – С. 36–44. (авт. вклад – 0,7 п.л.).

14. Мосин В. С., **Берсенева Н. А.** Археология Южного Урала (академический подход) // Уральский исторический вестник. – 2013. – № 4 (41). – С. 111–119. (авт. вклад – 0,4 п.л.).

15. **Берсенева Н. А.**, Куприянова А. В., Берсенев А. Г. Следы детства. Поиск детей в археологическом источнике и изучение керамических артефактов (эпоха бронзы Южного Зауралья) // Вестник НГУ. Серия: история, филология. – 2014. – Т. 13. – Вып. 3. Археология и этнография. – С. 88–100. (авт. вклад – 0,5 п.л.).

16. Епимахов А. В., **Берсенева Н. А.** Homo Ludens бронзового века Южного Урала (игры и игрушки) // Вестник Кемеровского гос. ун-та. – 2015. – № 2-6 (62). – С. 24–28. (авт. вклад – 0,3 п.л.).

17. **Берсенева Н. А.**, Епимахов А. В., Носкевич В. В., Федорова Н. В. Возможности синтеза геофизической и археологической информации при интерпретации результатов раскопок (на примере поселения бронзового века Каменный Амбар) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2015. – № 1 (28). – С. 4–14. (авт. вклад – 0,3 п.л.).

18. Епимахов А. В., **Берсенева Н. А.** Металлопроизводство, погребальная обрядность и социальная идентичность (синташтинские древности Южного Урала) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – № 1 (44). – С. 65–71. (авт. вклад – 0,5 п.л.).

Статьи, опубликованные в журналах, индексируемых базами Web of Science и Scopus

19. Berseneva N. A., **Epimakhov A. V.**, Noskevich V. V., Fedorova N. V., Tkachev V. V. Reconstruction of the Ancient Bronze Age Copper Quarries Using GPR // Near Surface Geoscience 2016 – 22d European Meeting of Environmental and Engineering Geophysics. – 2016. DOI: 10.3997/2214-4609.201602028 (авт. вклад – 0,2 п.л.).

20. Epimakhov A. V., **Berseneva N. A.**, Fedorova N. V., Noskevich V. V. Archaeological and geophysical investigation at the Bronze Age settlement Kamennyi Ambar (South Urals, Russia) // Near Surface Geoscience 2016 – 22d European Meeting of Environmental and Engineering Geophysics. – 2016. DOI: 10.3997/2214-4609.201602029 (авт. вклад – 0,1 п.л.).

21. Kupriyanova E. V., Epimakhov A. V., **Berseneva N. A.**, Bersenev A. G. Bronze Age Charioteers of the Eurasian Steppe: A Part-time Occupation for Select Men? // Praehistorische Zeitschrift. – 2017. – Vol. 92 (1). – P. 40–65. (авт. вклад – 1 п.л.).

22. **Берсенева Н.А.** Социальные аспекты практики кремации в обществах эпохи бронзы Южного Урала // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. – 2018. - № 2. – С. 211–224. (1,5 п.л.).

Монографии, главы (разделы) в коллективных монографиях:

23. **Берсенева Н. А.** Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. – Екатеринбург: изд-во УрО РАН. – 2011. – 214 с. (14 п.л.).

24. **Berseneva N.** Spatial organization of the Sargat funerary sites // Archaeology of burial mounds. – Plzen: University of West Bohemia, 2006. – P. 12–21. (1 п.л.).

25. **Berseneva N.** Archaeology of Children: Sub–adult Burials during the Iron Age in the Trans–Urals and Western Siberia // The Archaeology of Cult and Death. Proceedings of the session held in the 9th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists, St Petersburg, Russia, 10–14 September 2003. – Budapest: Archaeolingua, 2006. – P. 179–192. (1 п.л.).

26. **Berseneva N.** Women and Children in the Sargat Culture // Are All Warriors Male? Gender Roles on the Ancient Eurasian Steppe. – Walnut Creek: Altamira Press, 2008. – P. 131–151. (1 п.л.).

27. Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса) / Л.Н. Корякова, М.-И Дэйр, А.А. Ковригин, С.В. Шарапова, **Н.А. Берсенева**, С.Е. Пантелеева, П. Курто, Д.И. Ражев, Б. Хэнкс, Е.Г. Ефимова, А.А. Каздым, О.В. Микрюкова, А.О. Сахарова.– Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2009. – 298 с. (авт. вклад – 3 п.л.).

28. **Berseneva N.** Child Burials during the Middle Bronze Age of South Urals (Sintashta Culture) // Situating Gender in the European Archaeologies. – Budapest: Archaeolingua, 2010. – P. 161–180. (1 п.л.)

29. **Berseneva N.** “Armed” Females of Iron Age Trans–Uralian Forest–Steppe: Social Reality or Status Identity? // *Tumuli Graves – Status Symbol of the Dead in the Bronze and Iron Ages in Europe*. – BAR international Series 2396. – Oxford: Archaeopress, 2012. – P. 53–60. (1 п.л.)

30. Krause R., Korjakova L. N., Epimachov A. V., Sharapova S. V., Fornasier J., **Berseneva N. A.**, Panteleeva S. E. Archaeological structures of the Kamennyi Ambar settlement // *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. – Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. – P. 85–128. (авт. вклад – 2 п.л.)

31. **Берсенева Н. А.** Некоторые проблемы и перспективы изучения саргатской культуры Зауралья и Западной Сибири // *Археология Южного Урала. Лес, лесостепь. Ранний железный век и средневековье (проблемы культурогенеза)*. – Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2016. – С. 31–44. (1 п.л.)

32. **Berseneva N.** Bronze Age Child Burials in the Southern Trans-Urals (21st – 15th Centuries cal. BC) // *Children, Death and Burial. Archaeological Discourses*. – Oxford: Oxbow Books, 2017. – P. 125 – 146. (2 п.л.)

Публикации в российских и зарубежных изданиях:

33. Корякова Л. Н., Ковригин А. А., Ражев Д. И., Шарапова С. В., **Берсенева Н. А.** Средневековый комплекс Большеказакбаевского 2 курганного могильника // *120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга*. – Ч. 2. – Екатеринбург: изд-во УрГУ, 1999. – С. 73–89. (авт. вклад – 0,5 п.л.)

34. **Берсенева Н. А.** Керамические пряслица из погребений саргатской культуры (по материалам Среднего Прииртышья) // *XIV Уральское археологическое совещание: тезисы докладов*. – Челябинск: Рифей, 1999. – С 115–117. (0,3 п.л.)

35. **Берсенева Н. А.**, Берсенев А. Г. Трасологические аспекты изучения керамических пряслиц // *I Северный Археологический Конгресс. Тезисы докладов*. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 221–222. (авт. вклад – 0,1 п.л.)

36. Koryakova L., Daire M.-Y., Kosintsev P., Kovrigin A., **Berseneva N.**, Hanks B., Panteleyeva S., Kazdym A., Mikrukova O., Languette L., Marguerie D. Iron Age society and environment: Multi-disciplinary research in the Iset River valley (Russia) // *8th Annual Meeting of European Association of Ar-*

chaeologists (Abstracts Book). – Thessaloniki, 2002. – P. 74. (авт. вклад – 0,1 п.л.).

37. **Берсенева Н. А.**, Полеводов А. В. О культурно-хронологическом соотношении компонентов Еловского археологического комплекса (по материалам Еловского поселения) // Хронология и стратиграфия археологических памятников голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий. – Тюмень: изд-во ИПОС СО РАН, 2002. – С. 10–13. (авт. вклад – 0,3 п.л.).

38. **Берсенева Н. А.** Пространственные аспекты саргатской погребальной практики // Человек в пространстве древних культур. Мат-лы Всерос. науч. конф. – Челябинск: Музей-заповедник “Аркаим”, 2003. – С. 106–108. (0,5 п.л.).

39. **Berseneva N.** Sub-adult Symbolism in the Sargat Mortuary Practices (Trans-Urals and Western Siberia, Iron Age) // 9th Annual Meeting of European Association of Archaeologists (Abstracts Book). – St. Petersburg, 2003. – P. 99. (0,1 п.л.).

40. **Берсенева Н. А.** Пряслица и проблема *гендера* в саргатских погребениях (по материалам Среднего Прииртышья) // VI исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: изд-во Омского ун-та, 2004. – С. 198–201. (0,5 п.л.).

41. **Берсенева Н. А.** К проблеме функционального определения артефактов: керамические пряслица саргатской культуры // VI исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: изд-во Омского ун-та, 2004. – С. 202–204. (0,5 п.л.).

42. **Берсенева Н. А.** Теоретические подходы к изучению погребальной обрядности (по материалам англо-американских исследований) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Т. 8. – Омск: Издательский дом Наука, 2004. – С. 9–20. (1 п.л.).

43. **Berseneva N.** Archaeology of Gender: Male/Female Symbolism in Burials of Western Siberia Forest-Steppe during the Iron Age // 10th Annual Meeting of European Association of Archaeologists (Abstracts book). – Lyon, 2004. – P. 79–80. (0,2 п.л.).

44. Корякова Л. Н., Стефанов В. И. Микрюкова О. В., **Берсенева Н. А.**, Шарапова С. В. Позднебронзовый могильник близ села Больше-Казакбаева на севере Челябинской области // Археология Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: изд-во УрГУ, 2005. – С. 147–161. (авт. вклад – 0,3 п.л.).

45. **Берсенева Н. А.** «Модель детства» в обществах Северной Евразии (ранний железный век) II Северный Археологический Конгресс. Тезисы докладов. – Екатеринбург: Чароид, 2006. – С. 72–73. (0,2 п.л.).

46. **Berseneva N.** The Kurgan Mound as a sign of Memory, Identity and Power in the Iron Age Siberian Societies // 12th Annual Meeting of European Association of Archaeologists (Abstracts book). – Cracow, 2006. – P. 183–184 (0,1 п.л.).

47. **Берсенева Н. А.** Археология возрастных групп: проблемы и перспективы изучения // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования: сб. науч. тр. – Иркутск–Эдмонтон: изд-во Иркутского гос. тех. ун-та, 2007. – С. 264–268. (0,5 п.л.).

48. **Берсенева Н. А.** Детство как социальная конструкция: возможность изучения по археологическим данным // XVII Уральское Археологическое Собрание. Мат-лы науч. Конференции. – Екатеринбург, 2007. – С. 9–10. (0,5 п.л.).

49. **Berseneva N.** Are Children more Important than the Adults? Child Burials in Early Indo-European Mounds // 13th Annual Meeting of European Association of Archaeologists (Abstracts book). – Zadar, 2007. – P. 232. (0,1 п.л.).

50. **Берсенева Н. А.** Детские погребения синташтинской культуры: к вопросу о ранней гендерной дифференциации // VII Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: изд-во Омского гос. ун-та, 2008. – С. 144–149. (0,5 п.л.).

51. **Берсенева Н. А.** Погребение как ансамбль: гендерные стереотипы и погребальная практика саргатской культуры // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – Т. 2. – М.: изд-во ИА РАН, 2008. – С. 10–12. (0,4 п.л.).

52. **Берсенева Н. А.** К вопросу об организации пространства курганов саргатской культуры (по материалам Среднего Прииртышья) // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Мат-лы Всерос. конф. Ред. А.Н. Багашев. – Вып. 1. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2009. – С. 44–47. (0,5 п.л.).

53. **Берсенева Н. А.** К вопросу о сходстве «модели» погребальной обрядности степных и лесостепных культур Урала и Западной Сибири в эпоху раннего железа // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Сборник научных трудов. – Челябинск: изд-во ЮУрГУ, 2009. – С. 110–113. (0,5 п.л.).

54. **Берсенева Н. А.** Дети как социальная группа в обществах раннего железного века Северной Евразии: к постановке проблемы // Этнос. Общество. Цивилизация. II Кузеевские чтения. Материалы междунар. научно-практ. конф., посвященной 80-летию Р.Г. Кузеева. – Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2009. – С. 83–84. (0,3 п.л.).

55. **Берсенева Н. А.** Оружие как маркер социального пола в скотоводческих обществах Западной Сибири в эпоху раннего железа // Иерархия и власть в истории цивилизаций. Пятая Международная конференция. Москва, 23-26 июня 2009 г. – М.: Институт Африки РАН, 2009. – С. 150–151. (0,3 п.л.).

56. **Берсенева Н. А.** Об интерпретации женских погребений с оружием (ранний железный век) // Маргулановские чтения 2009: Мат-лы междунар. науч. конф. – Т. 1. – Петропавловск: изд-во Северо-Казахстанского ун-та, 2009. – С. 100–102. (0,3 п.л.).

57. **Berseneva N.** Gender Archaeology in Contemporary Russia // 15th Annual Meeting of European Association of Archaeologists (Abstracts book). Italy, 2009. – P. 71. (0,1 п.л.).

58. **Берсенева Н. А.** Детские погребения ранних кочевников Южного Урала и проблемы социальной интерпретации детства // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология: материалы XVIII Уральского археологического совещания. – Уфа: изд-во БГПУ, 2010. – С. 110–112. (0,4 п.л.).

59. **Берсенева Н. А.** Детские погребения саргатской культуры Среднего Прииртышья: социальный анализ // Кочевники Центральной Азии и Забайкалья: история, экология, современные трансформации. – Владивосток: Дальнаука, 2010. – С. 14–22. (1 п.л.).

60. **Берсенева Н. А.** Гендерный анализ детских погребений в древних обществах: теоретические подходы, проблемы и перспективы // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Междунар. Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. – Томск: Аграф–Пресс, 2010. – С. 107–110. (0,5 п.л.).

61. Krause R., Korjakova L. N., Fornasier J., Sharapova S. V., Epimachov A. V., Panteleva S. E., **Berseneva N. A.**, Molcanov I. V., Kalis A. J., Stobbe A., Thiemeyer H., Wittig R., Konig A. Befestigte Siedlungen der bronzezeitlichen Sintasta-Kultur im Transural, Westsibirien (Russische Foderation) // Eurasia Antiqua. – 2010. – Band 16. – S. 97–129. (авт. вклад – 1 п.л.).

62. **Берсенева Н. А.** Вариативность погребальной обрядности на памятниках синташтинской культуры // III Северный археологический Конгресс. Тезисы докладов. 8–13 ноября 2010, Ханты-Мансийск. – Екатеринбург: Издательский Дом «ИздатНаука Сервис», 2010. – С. 67. (0,1 п.л.).

63. **Берсенева Н. А.** Культ вождей или культ предков? «Царские» курганы саргатской культуры // Культ предков, вождей, правителей в погребальном обряде. Тезисы докладов Всерос. науч. конф. – М.: изд-во ИА РАН, 2010. – С. 37–38. (0,3 п.л.).

64. **Берсенева Н. А.** О социальном статусе погребенных старшей возрастной группы в саргатских могильниках Зауралья и Западной Сибири (ранний железный век) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – Т. I. СПб. – М. – Великий Новгород, 2011. – С. 331–332 (0,3 п.л.).

65. Корякова Л. Н., Краузе Р., Епимахов А. В., Шарапова С. В., Кайзер Э., **Берсенева Н. А.**, Пантелеева С. Е., Носкевич В. В., Зайков В. В. Микрорайон Каменный Амбар (Челябинская область): краткие итоги исследований в 2005-2008 г. // Труды II (XVIII) Всероссийского съезда в Суздале. Т. IV (дополнительный). – М.: изд-во ИА РАН, 2011. – С. 41–43. (авт. вклад – 0,1 п.л.).

66. **Berseneva N.** Animal Sacrifices and Gender: a Case of the Sintashta Culture (Bronze Age of South Trans-Urals) // 17th Annual Meeting of European Association of Archaeologists (Abstract book). – Oslo: University of Oslo, 2011. – P. 60. (0,1. п.л.).

67. **Берсенева Н. А.** Предметы вооружения в погребениях синташтинской культуры Южного Зауралья (гендерный аспект) // Роль войны и военного дела в развитии древних и средневековых обществ. – М.: изд-во ИА РАН, 2012. – С. 19–20 (0,3 п.л.).

68. **Берсенева Н. А.** Предметы вооружения в детских погребениях синташтинской культуры Южного Зауралья // Человек и Север: антропология, археология, экология. – Вып. 2. – Тюмень: изд-во ИПОС СО РАН, 2012. – С. 91–93. (0,4 п.л.).

69. Епимахов А. В., **Берсенева Н. А.** Традиция сооружения колодцев в аридной части Северной Евразии в эпоху бронзы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. – СПб.: изд-во ИИМК РАН, Периферия, 2012. – Т. 2. – С. 164–168. (авт. вклад – 0,4 п.л.).

70. **Берсенева Н. А.** Металлические предметы как символ социальной идентичности в синташтинской культуре (бронзовый век Южного Зауралья) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов: в 2 т. – Иркутск: изд-во Иркутского гос. тех. ун-та, 2013. – Т. 1. – С. 68–71. (0,3 п.л.).

71. **Berseneva N.** Children-warriors? Children's burials with weaponry during the Ural Bronze Age // 19th Annual Meeting of European Association of Archaeologists 2013 (Abstract book). – Plzen: University of West Bohemia, 2013. – P. 57. (0,1 п.л.).

72. Fornasier J, Krause R., Korjakova L., Stobbe A., Ruhl L., Schneider H., Thiemeyer H., Peters S., Epimachov A., Sharapova S., Panteleeva S. Molchanov I., **Berseneva N.**, Patzelt A. und Noskevic V. Architektur, Wirtschaft und Landschaft der bronzezeitlichen Siedlungen am Nordrand der Eurasischen Steppe im Trans-Ural (Russische Foderation) // Eurasia Antiqua. – 2014 (2017). – Band 20. – S. 229-272. (авт. вклад – 1 п.л.).

73. **Берсенева Н. А.** Маленькие предки? Детские погребения в контексте синташтинского погребального обряда (Эпоха бронзы Южного Зауралья) // Восхождение к вершинам археологии: сб. мат. междунар. науч. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвященной 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. – Алматы: изд-во ин-та археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. – С. 76–83. (0,5 п.л.).

74. Epimakhov A. V., **Berseneva N. A.** [Review]: EUGEN SAVA/ ELKE KAISER, Die Siedlung mit „Aschehügeln“ beim Dorf Odaia-Miciurin, Republik Moldova. Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen. Biblioteca Tyragetia 19. Muzeul Naț. de Arheologie și Istorie a Moldovei. Ed. Academia de Stiinte Moldov, Chișinău 2011 // Germania. – 2014. – P. 233–235. (авт. вклад – 0,2 п.л.).

75. **Berseneva N.** Who Were They? Gender, Age and Status of Bronze Age Smith (Sintashta Culture, Southern Trans-Urals) // 20th Annual Meeting of European Association of Archaeologists 2014 (Abstracts of the Oral and Posters Presentations. 10-14 September 2014. Istanbul, Turkey). – P. 240. (0,1 п.л.).

76. Епимахов А. В., **Берсенева Н. А.** Homo Ludens бронзового века (к постановке проблемы) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сборник научных статей, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева. – Астана: Изд-во «Сарыарка», 2014. – С. 328–333. (авт. вклад – 0,3 п.л.).

77. **Берсенева Н. А.**, Епимахов А. В. Фортификация поселения Каменный Амбар (Южное Зауралье) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Т. 1. – Казань: Отечество, 2014. – С. 531–533. (авт. вклад – 0,2 п.л.).

78. **Берсенева Н. А.** Семейные (?) погребения синташтинской культуры (эпоха бронзы Южного Урала) // Казахское ханство в потоке истории: Сб. науч. статей, посвященный 550-летию образования Казахского ханства. – Алматы: изд-во ин-та археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. – С. 335–341. (0,4 п.л.).

79. **Берсенева Н. А.**, Куприянова Е. В. Детские погребения петровской культуры Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. науч. конф. – Челябинск, 2015. – С. 59–61. (авт. вклад – 0,2 п.л.).

80. **Берсенева Н. А.** К вопросу о социальных ролях женщин (синташтинская культура Южного Урала) // Человек и Север: антропология, археология, экология. Мат-лы Всерос. конф., Тюмень, 6–10 апреля 2015 г. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. – Вып. 3. – С. 92–94. (0,5 п.л.).

81. **Берсенева Н. А.** Социальный статус детей в обществах бронзового века Южного Урала (конец III – первая половина II тыс. до н.э.): общее и особенное // IV Северный археологический конгресс: материалы. 19-23 октября 2015, г. Ханты-Мансийск. – Екатеринбург – Ханты-Мансийск, 2015. – С. 116–117. (0,2 п.л.).

82. **Berseneva N.**, Kupriyanova E. Children in the Bronze Age societies of the Southern Trans-Urals (Sintashta, Petrovka and Alakul' cultures) // *Archaeologia Polona*. – 2016. – Vol. 51. – P. 5–20. (авт. вклад – 1 п.л.)

83. **Берсенева Н. А.** Трансформация посмертного отношения к детям в обществах эпохи бронзы Южного Зауралья (конец III – первая половина II тыс. до н.э.) // Актуальные проблемы археологии Евразии. Сб. мат. междунар. научно-практ. конф., посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана. – Алматы: 2016. – С. 599–605. (0,5 п.л.).

84. **Берсенева Н. А.** Подходы к интерпретации «девиантных» погребений в археологии // Развитие взглядов на интерпретацию археологического источника. Тезисы докладов Всерос. науч. конф. – М.: ИА РАН, 2016. – С. 12–13. (0,3 п.л.).

85. **Berseneva N. A.** A beautiful dead: women's burials in the Late Bronze Age (South Urals, Russia) // 23rd Annual Meeting of European

Association of Archaeologists 2017. Abstract Book. 30 August – 3 September 2017. – Maastricht, 2017. – P. 278. (0,1 п.л.).

86. **Берсенева Н. А.** Проблемы интерпретации интрамуральных погребений эпохи бронзы Южного Урала // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Сборник научных трудов. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. университета, 2017. – С. 114. (0,2 п.л.).